

Игра в ложь

Автор:

[Сара Шепард](#)

Игра в ложь

Сара Шепард

Игра в ложь #1

Я многого не помню, но знаю, что у меня была потрясающая жизнь. Даже умерев, я получила то, на что никто больше не может рассчитывать: продолжение истории. И все благодаря Эмме, давно потерянной сестре-близнецу, с которой я так и не встретилась. Эмме хочет узнать, что случилось, и для этого ей придется стать мной. Но сумеет ли она провести моих лучших подруг? Сможет ли убедить моего парня, что она и есть та самая девушка, в которую он влюблен? Поверят ли ей мои родители? А еще ей придется обмануть моего убийцу, который следит за каждым ее движением. Игра в ложь началась.

Сара Шепард

Игра в ложь

Sara Shepard: THE LYING GAME

Published by arrangement with Rights People, London.

Produced by Alloy Entertainment, LLC

Copyright © 2010 by Alloy Entertainment and Sara Shepard

© Е. Лозовик, перевод на русский язык

Фотографии на обложке © Алина Казликина

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Мы те, кем мы притворяемся. Осторожнее выбирайте свою маску.

Курт Воннегут

Пролог

Открыв глаза и оглядевшись, я поняла, что лежу в ванне на высоких львиных «лапах», в облицованной розовым кафелем ванной комнате. Рядом, на крышке унитаза, валяется стопка журналов Maxim, раковина заляпана зеленой зубной пастой, на зеркале белые потеки. В окне – полная луна на темном небе. Какой сегодня день? Где я? В чьей-то дешевой съемной квартире? У кого-то в гостях? С трудом вспомнила, что меня зовут Саттон Мерсер, я живу в предгорьях Тусона, в Аризоне. Но куда девалась моя сумочка? Где я оставила машину? Какой она марки? Что со мной случилось?

– Эмма? – послышался из соседней комнаты мужской голос. – Ты у себя?

– Я занята, – ответ прозвучал где-то совсем рядом.

В ту же секунду дверь открылась, и на пороге появилась девушка: высокая, стройная, с копной спутанных темных волос, закрывавших лицо.

– Эй! – я поспешно села. – Занято!

Тело покалывало, будто после долгого сна. Стоило немного опустить голову, и перед глазами все замелькало, как в стробоскопе.

Бррр! Похоже, мне подмешали что-то в еду или питье.

Девушка, казалось, не услышала моего возгласа и сделала еще несколько шагов вперед. Темные пряди по-прежнему скрывали лицо.

– Алло! – возмутилась я, пытаюсь подняться на ноги и выбраться из ванны. – Ты глухая?

Ответа не последовало. Все еще не замечая меня, она взяла флакон лосьона для тела и стала наносить его на руки. Запахло лавандой.

Дверь снова распахнулась, пропуская курносого юношу с едва заметной щетиной на подбородке.

– Ой, – воскликнул он, скользнув взглядом по облегающей футболке девушки. – Эмма. Я не знал, что ты здесь.

– Может быть, дверь была закрыта именно поэтому? – буркнула девушка и вытолкнула его из ванной. Затем вернулась к зеркалу. Я встала у нее за спиной.

– Послушай, – начала я, но тут она наконец убрала волосы от лица. Увидев ее отражение в зеркале, я вскрикнула.

Девушка была как две капли воды похожа на меня. Но, в отличие от нее, я в зеркале не отражалась.

Она повернулась, вышла из ванной, и какая-то неведомая сила потянула меня следом. Кто такая эта Эмма? Почему мы так похожи? Как получилось, что теперь я невидимка? И наконец, почему я почти ничего не помню? Обрывки воспоминаний вспыхивали в голове, отдаваясь ноющей болью: полыхающий закат над Каталиной, запах цветущих лимонных деревьев на заднем дворе, мягкий кашемир тапочек на босых ногах. Другие воспоминания, более важные, более значимые, и вовсе стали путанными и размытыми. Словно я пыталась разглядеть морское дно под толщей воды – очертания угадываются, но понять,

что именно ты видишь, невозможно. Не могла вспомнить, как провела летние каникулы, каким был мой первый поцелуй или любимая песня. С каждой секундой память об этом становилась все более размытой. Будто воспоминания исчезали.

Будто я сама исчезала.

Зажмурившись, я постаралась сосредоточиться и тут же услышала приглушенный крик. Боль пронзила все тело, а потом оно отказалось служить мне. Глаза закрывались против воли, и все, что я смогла увидеть, – лишь неясную тень, склонившуюся надо мной.

– Боже мой, – прошептала я.

Конечно же, Эмма не могла меня видеть. Конечно же, я не могла отразиться в зеркале. На самом деле меня здесь не было.

Ведь я умерла.

1. Двойник

Прихватив с кухни небольшую холщовую сумку и стакан холодного чая, Эмма Пакстон вышла на задний двор. Дом – небольшая конурка на окраине Лас-Вегаса, в двух шагах от оживленной магистрали – принадлежал ее новой приемной семье. Стоило открыть дверь, как в нее врывался гул двигателей и автомобильных гудков; воздух был сизым от выхлопных газов, а порывы ветра приносили вонь со стороны ближайшей станции очистки сточных вод. Единственным украшением двора служили покрытые пылью гири, ржавая электрическая ловушка для насекомых и дурацкие глиняные фигурки.

Не к такому я привыкла. Дома, в Тусоне, у нас был идеальный двор, оформленный по всем правилам ландшафтного дизайна, с деревянной игровой площадкой, и когда я играла там, то представляла себе, что это крепость. Просто поразительно, что в памяти произвольно всплывали некоторые детали прошлой жизни – в то время как другие моменты ускользали. С момента нашей

встречи с Эммой прошел уже час. Все это время я неотступно следовала за ней, пытаюсь разобраться в жизни девушки и вспомнить что-нибудь о себе. Не то чтобы у меня был выбор. Стоило Эмме куда-то направиться, неведомая сила тянула меня следом. Теперь я знала о девушке куда больше, чем час назад: информация просто возникала в голове, как письма в папке «Входящие». О ней я уже могла рассказать больше, чем о себе.

Эмма пристроила сумку и стакан на декоративный кованный столик, а сама растянулась на пластиковом шезлонге рядом, запрокинув голову. Отсюда огней казино почти не было видно, и ничто не мешало наслаждаться чистым небом над головой. Бледная, словно алебастровая, луна уже поднялась довольно высоко над горизонтом. Но девушка смотрела не на нее, а на две ярких звезды на востоке. В детстве, когда ей было девять, Эмма придумала им имена. Та, что справа – Мама, та, что слева – Папа, а маленькая мерцающая точка прямо под ними – звездочка Эмма. Она сочиняла сказки о звездной семье, мечтая, что однажды найдет такую же и на земле.

Сколько себя помнила, Эмма жила в приемных семьях. Отца девочка не знала, только мать – они провели вместе пять лет. Бекки – так ее звали – была стройной и изящной, обожала танцевать под Майкла Джексона и выкрикивать правильные ответы раньше игроков, когда по телевизору показывали «Колесо Фортуны». Еще она читала «желтую» прессу, легко верила заголовкам вроде «Шок: внутри тыквы нашли младенца!» или «Мальчик-летучая мышь жив!» и посылала дочь на улицу играть в «Мусорщика»[1 - Игра называется «Охота за мусором», или «Мусорщик вышел на охоту». Играющие получают список и должны найти указанные в нем предметы. В конце те, кто принес все, что было указано в списке, получают награду.], а когда та возвращалась и предъявляла ей найденные «сокровища», награждала ее то блестящим футлярчиком от помады, то шоколадкой. Как никто другой, она умела найти в магазине уцененных товаров пышную юбку или кружевное платье, чтобы нарядить Эмму принцессой. Вечернее чтение «Гарри Поттера» в ее исполнении превращалось в театр одного актера: так хорошо Бекки изображала голоса разных героев.

И все же мать была словно лотерейный билет: никогда не знаешь, что получишь сегодня, пока не сотрешь защитный слой. Случалось, что Бекки весь день рыдала на диване в гостиной, размазывая слезы по опухшему лицу. А иногда она тащила Эмму в ближайший универмаг и покупала ей все, на что падал глаз, – в двух экземплярах.

– Но мама, зачем мне две пары одинаковых туфель? – удивлялась девочка.

Тогда на лице матери появлялось странное отчужденное выражение.

– На случай, если одна испачкается, – отвечала она.

Временами Бекки становилась очень забывчивой: однажды оставила дочь в большом торговом центре, а сама уехала домой. У Эммы перехватило дыхание, когда она увидела, как машина матери исчезает в круговороте огней на шоссе. Спас девочку продавец. Он вручил Эмме большой оранжевый леденец, посадил на ящик-холодильник у входа в магазин и отправился звонить кому-то, кто смог быстро найти маму. Когда Бекки наконец вернулась, она схватила Эмму в объятия и даже не стала ругаться, обнаружив, что леденец выпал у дочки из рук и приклеился к подоле ее платья.

Однажды летом, вскоре после этого, Эмма осталась ночевать у Саши Морган, подружки из детского сада. Проснувшись утром, она увидела на пороге комнаты миссис Морган с кислым выражением лица. Оказалось, Бекки сунула ей под дверь записку о том, что «отправляется в небольшое путешествие». Путешествие затянулось: прошло уже тринадцать лет, и не похоже было, что Бекки вернется в ближайшее время.

Когда стало ясно, что чуда не произойдет, родители Саши отдали Эмму в приют в Рино. Пятилетняя девочка усыновителей не интересовала; им нужны были малыши, которых можно превратить в свои мини-копии. Так что Эмма сначала оставалась в приюте, а потом стала жить у разных опекунов. Девочка любила мать, но никогда по ней не скучала: ни по Рыдающей Бекки, ни по Бекки-Купи-Две-Пары, ни по Забывчивой Бекки, оставившей дочь на попечении продавца в торговом центре. Зато она тосковала по самой идее матери: которая знала бы все о ее прошлом, беспокоилась о будущем и искренне любила, не ставя условий. Звезды по имени Папа, Мама и Эмма появились на ночном небе не как отражение жизни, которую девочка потеряла, – они были мечтой о том, чего никогда не было.

Открылась раздвижная стеклянная дверь, и это заставило Эмму резко обернуться. Трэвис, восемнадцатилетний парень, сын ее новой опекуны, тоже вышел на задний двор и присел на краешек стола.

– Извини, что вломился к тебе в ванную.

– Пустяки. – Эмма постаралась незаметно отодвинуться как можно дальше. Она не сомневалась в неискренности извинений. Востроносый, с глазами-горошинками и вечно сжатыми тонкими губами, Трэвис, похоже, задался целью непременно застать ее голой. Сегодня на нем была низко надвинутая синяя кепка, мятая клетчатая рубашка на пару размеров больше, чем нужно, и мешковатые джинсовые шорты с таким низким поясом, что молния оказалась где-то на уровне колен. Его подбородок зарос неопрятной щетиной: до настоящей бороды было еще далеко. Эмма чувствовала похотливый взгляд его карих глаз, скользивший по ее облегающей футболке, обнаженным загорелым рукам и длинным ногам.

Усмехнувшись, Трэвис потянулся к карману рубашки, достал оттуда косячок и закурил, обдав девушку облачком пахучего дыма. Одновременно с кончиком сигареты зажегся и огонек электрической ловушки для насекомых. Щелчок, вспышка голубого света, и очередной москит расстался с жизнью. Если бы только на его месте мог оказаться куда более навязчивый Трэвис!

«Отвали, вонючка! – вертелось на языке у Эммы. – И ты еще удивляешься, что девушки к тебе и близко не подходят?»

Но она промолчала. Этому комментарию – как и многим другим – суждено было окончить свои дни в «Списке Остроумных Ответов, Которые Я не Могу Себе Позволить», занимавшем не один лист толстой тетради, спрятанной в комод. «Список Ответов» представлял собой хронику язвительных и лаконичных замечаний, которые Эмме приходилось проглатывать в своих беседах с опекунами, их странными соседями, стервозными старшеклассницами – да почти со всем миром. Куда проще придержать острый язычок, выглядеть милой и незаметной, приспособиться к ситуации и окружающим людям. Эмма так часто меняла приемные семьи, что достигла совершенства в таком поведении. Первым был мистер Смити. Девочка жила у него, когда ей было десять, и виртуозно научилась уклоняться от летящих в голову предметов, если опекун выходил из себя и начинал крушить все вокруг. Стив и Урсула, двое хиппи, к которым она попала позже, держали свой огород, но понятия не имели, как готовить то, что на нем росло, – и Эмме пришлось освоить мастерство кулинара: пекла кексы из кабачков, делала вегетарианские запеканки и жарила картошку. Кларисса, опекунша, у которой девушка жила уже два месяца, работала барменом в казино, в зале для vip-клиентов. Поэтому на смену «кухонной школе» пришло

умение фотографировать, виртуозно проходить все уровни «Сапера» на смартфоне – Эмма получила его в подарок от лучшей подруги Алекс, уезжая из прошлой семьи, – и подработка на аттракционах в казино «Нью-Йорк». Еще Эмма прекрасно умела избегать общества Трэвиса.

Дела не всегда обстояли так. Сначала Эмма изо всех сил пыталась быть милой с новым братом, надеясь подружиться с ним. Не то чтобы все приемные семьи оказывались плохими и ей никогда не удавалось завести дружбу с другими детьми – просто иногда это требовало немалых усилий. Поэтому Эмма старалась как могла. Она делала вид, что ей тоже интересны видео, которые Трэвис смотрел на YouTube (большая часть была посвящена тому, как вскрыть машину при помощи смартфона или взломать автомат с кодой), даже выдержала несколько трансляций Абсолютного бойцовского чемпионата и честно пробовала освоить терминологию боев без правил. Так прошла неделя – а потом Трэвис дал волю рукам, когда Эмма стояла в раздумьях перед открытым холодильником. «Ты такая милая», – успел он прошептать ей на ухо за секунду до того, как Эмма «случайно» пнула его ногой в промежность.

Ей хотелось только одного: продержаться в этой семье до окончания школы. Сегодня День труда; занятия начнутся только в среду. Через две недели Эмме исполнится восемнадцать. Она может уехать в тот же день, но тогда придется бросить школу, найти квартиру и постоянную работу. Кларисса же с самого начала сказала социальным работникам, что не станет возражать, если Эмма останется до выпускного. «Еще девять месяцев, – твердила, как мантру, Эмма. – Я выдержу. Конечно, выдержу».

Трэвис снова сделал затяжку и протянул ей косяк.

– Хочешь попробовать? – сдавленно спросил он, стараясь не выпустить дым из легких.

– Нет, спасибо, – холодно ответила Эмма.

Трэвис выдохнул облачко дыма.

– Милая маленькая Эмма, – протянул он. – Но ты же не всегда так хорошо себя ведешь, правда?

Девушка запрокинула голову и снова нашла взглядом Маму, Папу и Эмму. Чуть в стороне от них можно было различить звездочку, которую она недавно нарекла Парнем. Сегодня она оказалась совсем близко от звезды Эммы. Может быть, это знак? Может быть, в этом году она наконец встретит идеального парня, предназначенного ей самой Судьбой?

– Черт, – неожиданно выругался Трэвис, заметив какое-то движение в доме. Затушив сигарету, он швырнул ее под шезлонг, на котором растянулась Эмма. В ту же секунду створка дверей сдвинулась в сторону, и во двор вышла Кларисса. Эмма покосилась на дымящийся окурок – как мило со стороны Трэвиса снова попытаться ее подставить! – и наступила на него туфлей.

Кларисса еще не успела переодеться: на ней был смокинг, шелковая блузка и черный галстук-бабочка; осветленные волосы уложены в идеальный французский пучок. Губы подведены яркой помадой цвета фуксии того неудачного оттенка, который никогда никому не подходит. В руках она держала белый конверт.

– Здесь не хватает двухсот пятидесяти долларов, – голос звучал ровно, но пальцы нервно мяли бумагу. – Это были личные чаевые от Брюса Уиллиса, он даже подписал одну из банкнот. Я так хотела вклеить ее в свой журнал.

Эмма сочувственно промолчала. Единственное, что она знала о Клариссе – та была одержима знаменитостями. Все встречи с ними фиксировались в специальном журнале, а одну из стен возле обеденного стола целиком занимали глянцевые портреты с автографами. Иногда Кларисса и Эмма сталкивались на кухне около полудня – такое случалось редко, потому что в это время опекунша только возвращалась после ночных смен. И она охотно делилась новостями: что рассказал очередной финалист шоу талантов, на сколько размеров увеличила себе грудь некая восходящая звезда и каким неприятным человеком оказался в жизни ведущий популярного ТВ-шоу. Эмма слушала не перебивая. Жизнь знаменитостей и их грязное белье мало интересовали ее сами по себе, но информация могла пригодиться, если удастся воплотить в жизнь заветную мечту. Эмма мечтала вести передачу, посвященную журналистским расследованиям. Клариссе она такого, конечно, не говорила – да та и не интересовалась.

– Когда я днем уходила на работу, деньги лежали в конверте, – продолжала опекунша, глядя Эмме в глаза. – Теперь их нет. Ты ничего не хочешь мне

рассказать?

Эмма покосилась на Трэвиса, но тот уткнулся в свой телефон. Среди прочих фотографий на экране мелькнул и снимок, сделанный, когда он в очередной раз вломился к ней в ванную. Мокрые волосы Эммы были стянуты в узел на макушке, но она успела накинуть полотенце.

Чувствуя, что краснеет, Эмма встретила взгляд Клариссы.

– Мне нечего сказать, – произнесла она так ровно, как только могла. – Может быть, Трэвис что-то знает.

– Прошу прощения, – хрипло возразил парень. – Я ничего не брал.

Эмма недоверчиво хмыкнула.

– Мам, ты прекрасно знаешь, что я не мог их взять, – Трэвис выпрямился, подтягивая шорты. – Я ведь знаю, как напряженно ты работаешь. Но я видел, как Эмма сегодня входила в твою спальню.

– Что? – Эмма вихрем развернулась к нему. – Не было такого!

– Еще как было, – Трэвис и бровью не повел. Отвернувшись от матери, он сощурил глаза и наморщил нос, отчего его лицо превратилось в презрительную гримасу. У Эммы даже дыхание перехватило от такой наглой лжи.

– А я видела, как ты лазил к матери в кошелек! – выпалила она.

Кларисса уперлась руками в стол и скривила губы:

– Вот как? Значит, деньги взял Трэвис?

– Да не брал я их! – парень обвиняющее ткнул пальцем в Эмму. – Почему ты ей веришь? Она ведь чужая!

– Мне не нужны деньги! – Эмма скрестила руки на груди. – Я работаю! И мне за это платят!

Эмма работала уже несколько лет. До аттракционов она ухаживала за козами в контактном зоопарке, изображала статую Свободы, рекламирующую местный кооперативный банк, и даже продавала ножи как коммивояжер. За это время она накопила больше двух тысяч долларов: деньги были надежно спрятаны в полупустой коробке с тампонами. Трэвис туда так и не добрался: тампоны оказались более надежной защитой, чем стая бешеных собак.

Кларисса внимательно посмотрела на Трэвиса. Тот в ответ обиженно улыбнулся. Продолжая мять в руках конверт, она нахмурилась, как будто разглядела за этой улыбкой истинное лицо сына.

– Посмотри лучше сюда, – Трэвис шагнул к ней и приобнял за плечо. – Думаю, ты должна знать, какова наша милая Эмма на самом деле.

С этими словами он снова вытащил из кармана смартфон и начал листать приложения.

– Ты о чем? – удивилась Эмма, подходя ближе.

Трэвис самодовольно усмехнулся и прикрыл экран рукой:

– Я собирался поговорить с тобой об этом один на один. Но теперь уже слишком поздно.

– Поговорить? О чем? – Эмма резко шагнула к нему, задев столик и едва не свалив стоящую на нем свечу с ароматом цитронеллы.

– Не притворяйся, – пальцы Трэвиса скользили по экрану. Над его головой вился комар, но он был слишком занят, чтобы отогнать его. – Я знаю, ты чокнутая.

– Что ты имеешь в виду? – Кларисса с беспокойством смотрела на сына.

– Вот что! – торжествующе заявил он, поворачивая телефон так, чтобы всем было видно.

Во двор ворвался порыв сухого горячего ветра, обжег Эмме щеки и запорошил пылью глаза. Вечернее небо потемнело до глубокого черно-синего оттенка. Трэвис подошел совсем близко к ней, обдав запахом дыма, и показал экран телефона, на котором уже был открыт сайт с любительскими видеозаписями. Он набрал в поисковике «Саттон, Аризона» и запустил медиаплеер.

Видео загружалось медленно. Кто-то снимал панораму, держа камеру в руках. Звук отсутствовал, как будто микрофон специально отключили. Когда камера завершила круг, в кадр попала фигура девушки, сидящей на стуле. На глазах у нее была черная повязка, на тонкой изящной шее висела широкая цепочка с серебряным медальоном.

Девушка отчаянно мотала головой – вперед-назад, вперед-назад, – и медальон мотался из стороны в сторону. На мгновение изображение пропало, а когда появилось снова, оказалось, что за спиной у нее кто-то стоит и тянет за цепочку так, что она пережимает девушке горло. Она запрокинула голову, взмахнула руками, забила ногами.

– Боже мой, – Кларисса прикрыла рот ладонью.

– Что происходит? – прошептала Эмма.

Душитель – его лицо скрывала маска – натягивал цепь все туже и туже. Спустя тридцать секунд девушка перестала сопротивляться и обмякла на сиденье.

Эмма попятилась. Неужели Трэвис только что показал им запись убийства? Что за бред? И как, по его мнению, все это могло быть связано с ней?

Объектив камеры все еще был направлен на девушку в повязке. Она не двигалась. Экран потемнел, а потом картинка возникла снова, но уже с другого ракурса. Теперь камера лежала на земле, фигура на стуле оставалась в кадре. Кто-то подошел к ней и снял повязку. Спустя несколько долгих секунд девушка закашлялась. Из ее глаз катились слезы, она медленно моргала. За долю секунды до того как запись прервалась, девушка подняла голову и рассеянно посмотрела прямо в объектив.

Эмма лишилась дара речи. Кларисса громко ахнула.

– Ага! – воскликнул Трэвис. – Я же говорил!

Эмма смотрела на экран, не в силах отвести взгляд от круглого лица девушки, больших голубых глаз, чуть вздернутого носа. Она была похожа на нее, как отражение в зеркале.

Потому что девушкой на видео была я.

2. Кто виноват? Приемьш!

Эмма выхватила у Трэвиса телефон и запустила видеозапись с начала, напряженно вглядываясь в происходящее на экране. Когда в кадре появился неизвестный и начал душить девушку, у нее перехватило дыхание от ужаса. Но вот пытка закончилась, преступник сорвал с лица жертвы повязку, и картинка на секунду замерла. Ошибки быть не могло: те же густые вьющиеся каштановые волосы, мягкая линия подбородка, розовые пухлые губы (в школе Эмму нередко поддразнивали, спрашивая, не аллергический ли это отек). Она вздрогнула.

Я тоже смотрела на экран с ужасом. Медальон, тускло поблескивавший на шее, вызвал у меня воспоминание о коробке с девичьими «сокровищами»: там лежали зубное кольцо в виде изрядно пожеванного жирафа, кружевная пеленка, крошечные вязаные пинетки. Помню, как достала украшение с самого дна и надела на шею... Но что было дальше? События на видео не вызвали во мне никакого отклика. Случилось ли все это на заднем дворе моего дома? Или за три штата от него? Такие провалы в памяти постепенно начинали раздражать, черт побери!

На этом видео должна быть и моя смерть, да? Оно совпадало с тем, что мне удалось в первые секунды, когда я очнулась в ванной: бешеный стук сердца, фигура убийцы, склонившегося надо мной. Но как узнать, оказалась я рядом с Эммой сразу после того, как сделала последний вдох, или с тех пор прошло несколько дней? Месяцев? И наконец, кто выложил запись в Сеть? Ее видели мои родные? Друзья? Может быть, таким образом убийцы требовали у них выкуп?

Эмма подняла глаза от экрана.

- Где ты это нашел?

- Похоже, кое-кто и не подозревал, что стал звездой интернета, - хмыкнул Трэвис, отбирая у нее телефон.

Кларисса провела рукой по волосам, пытаясь взять себя в руки, затем перевела взгляд со смартфона на лицо Эммы.

- Тебе это нравится? - спросила она хрипло.

- Возможно, это ее возбуждает, - вмешался Трэвис. - Я знал нескольких девчонок в школе, которые были буквально одержимы такими вот штучками. Одна из них едва не умерла.

Кларисса снова прикрыла рот ладонью.

- Как же так получилось? - пробормотала она.

Эмма в ужасе переводила взгляд с Клариссы на Трэвиса.

- Вы все неверно поняли. Это не я. Девушка на видео... Это кто-то другой!

- И этот кто-то - твоя копия? - Трэвис закатил глаза. - Дай подумать. Наверное, сестра, потерявшаяся в младенчестве? Твой злобный близнец?

С улицы донесся отдаленный раскат грома. Новый порыв ветра принес уже не песок, а запах мокрого асфальта, первый знак надвигающейся грозы. Потерянная сестра. Брошенная Трэвисом реплика зажгла в мозгу Эммы целый фейерверк идей и версий. Вполне возможно. Социальные службы так и не смогли ответить на вопрос, не бросала ли Бекки своих детей и раньше, но это было возможно.

Похожие мысли крутились и в моей голове. Я ведь приемная. Родители никогда не пытались скрывать, что взяли меня из детского дома, приняв решение в последнюю минуту, и никогда не встречались с моей биологической матерью.

Неужели такое возможно? Эта версия объясняла все: и то, что я как привязанная следовала за Эммой, и наше поразительное сходство.

Кларисса постукивала ногтем по столешнице.

– Эмма, я не люблю, когда мне лгут. И когда у меня крадут деньги.

Девушка вздрогнула, будто ее ударили.

– Но на видео кто-то другой! – запротестовала она. – И деньги взяла не я. Клянусь вам!

Эмма потянулась к сумке, чтобы позвонить Эдди, своему начальнику. Он смог бы поручиться за нее. Но Трэвис перехватил сумку и высыпал на землю все ее содержимое.

– Упс! – сказал он без капли раскаяния в голосе.

Эмма проводила взглядом и без того уже изрядно потрепанный томик «И всходит солнце», упавший в пыльный муравейник. Купон на бесплатный обед в бистро подхватил порыв ветра, унес в сторону и опустил на землю рядом с гирями Трэвиса. Телефон и тюбик бальзама для губ приземлились возле глиняной черепахи. Последним из сумки выпал подозрительного вида рулончик банкнот, перехваченный толстой розовой резинкой. Отскочив от пола, он откатился прямо к ногам Клариссы.

Эмма молча наблюдала за происходящим, слишком ошеломленная, чтобы произнести хоть слово. Кларисса подняла деньги и пересчитала их, пошлюпив указательный палец.

– Две сотни, – сказала она. Затем вытащила из стопки двадцатку с синим росчерком в углу. Почти стемнело, но Эмма различила размашистое «Б» в начале имени «Брюс Уиллис». – Где еще полтинник?

В наступившей тишине стало слышно, как позвякивает «музыка ветра» на двери у кого-то из соседей. Эмма внутренне сжалась.

– Я... не знаю, как они попали ко мне в сумку.

Трэвис тихо фыркнул: «Попалась!» Он стоял у стены, скрестив на груди руки, и насмешливо улыбался.

И тут Эмма поняла, что за спектакль разыгрывался перед ней. С лицом, искаженным от гнева, она развернулась к Трэвису:

– Ты! Ты все это подстроил! Подставил меня!

Трэвис только хмыкнул. В этот момент Эмма почувствовала, как что-то внутри нее оборвалось. Все стало неважным. К черту мир в доме. К черту вечное притворство в попытках понравиться опекунам. Она сорвалась с места и вцепилась в мясистую шею Трэвиса.

– Эмма! – ахнула Кларисса, хватая ее за плечи и оттаскивая от сына. Девушка попятилась, наткнувшись на стул.

– Да что на тебя нашло? – яростно воскликнула Кларисса, подступая к ней ближе, так что они оказались лицом к лицу.

Вместо ответа Эмма снова взглянула на Трэвиса. Он так и стоял, прижавшись к стене и вытянув вперед руки, будто в попытке защититься, но глаза его светились восторгом.

Кларисса еще секунду сверлила Эмму взглядом, потом отвернулась, упала на стул и потеряла глаза. Пальцы моментально почернели от туши.

– Ничего не выйдет, – мягко сказала она через некоторое время, печально глядя на Эмму. – Я думала, ты милая и добрая девочка, которая не доставит лишних проблем. Но это уж слишком.

– Но я не виновата! Клянусь, – прошептала девушка.

Кларисса нашарила в кармане пилочку и принялась нервно подпиливать ноготь на мизинце.

– Ты можешь остаться до дня рождения, но потом должна съехать.

– Вы меня выгоняете?

– Мне жаль, – Кларисса отвлеклась от своего занятия и посмотрела на Эмму. Лицо ее смягчилось. – Мне правда жаль. Но так будет лучше для всех.

Эмма отвернулась. Теперь в ее поле зрения попадала только грязная бетонная стена на границе участка.

– Я бы хотела, чтобы все сложилось иначе, – негромко произнесла Кларисса перед тем, как раздвинуть двери и вернуться в дом.

Стоило ей уйти, как Трэвис тут же выпрямился, деловито огляделся, нашел раздавленный окурок, отряхнул его и спрятал в карман.

– Тебе еще повезло, что она не позвонила в полицию, – язвительно заметил он.

Эмма промолчала, и парень вернулся в дом, весьма довольный собой. Больше всего на свете ей хотелось догнать его и выцарапать глаза, но ноги были ватными и отказывались повиноваться. Взгляд туманили слезы. Опять. Каждое прощание с очередной приемной семьей заставляло Эмму возвращаться в тот момент, когда она поняла, что Бекки больше не вернется. После исчезновения матери девочка еще неделю жила у родителей Саши Морган – все надеялись, что полиции удастся найти беглянку. Днем она притворялась, будто все хорошо: играла с Сашей, смотрела мультики, придумывала новые маршруты для «охоты за сокровищами», играть в которую ее научила Бекки. Вечерами было хуже. При свете ночника Эмма сражалась с «Гарри Поттером», пытаясь читать книгу дальше, но не понимала и половины. «Кота в сапогах» она одолела с величайшим трудом. Почему рядом нет мамы, которая растолковала бы значение всех этих сложных длинных слов? Почему никто больше не читает ей по ролям? Даже сейчас, спустя десять лет, эти мысли все еще отзывались болью в душе Эммы.

Эмма осталась одна. Поднявшийся ветер шелестел листьями пальм и побегами вьющихся растений, обвивавших их стволы. Глиняная статуя женщины, с которой регулярно обжимались для смеха Трэвис и его друзья, казалось, смотрела прямо на девушку.

– Вот и все, – сказала ей Эмма. – Теперь я не смогу остаться здесь до выпускного. И не смогу поступить в Университет Южной Калифорнии на фотожурналистику. Даже в колледж вряд ли попаду.

Некуда было идти, не к кому обратиться. Кроме...

Перед внутренним взором Эммы снова возникла фигура девушки на видеозаписи. Потерянная сестра. Последний лучик надежды. Нужно найти ее!

Если бы я могла сказать Эмме, что уже слишком поздно...

3. Если об этом пишут на Facebook, значит, так оно и есть

Через час Эмма стояла над пустыми дорожными сумками, брошенными на пол возле открытого шкафа. К чему тянуть? Первым делом она позвонила Алекс Стоукс, своей лучшей подруге из Хендерсона.

– Можешь пожить у нас, – предложила та, узнав, что Кларисса выставила Эмму из дома. – Я поговорю с мамой. Скорее всего, она не будет против.

Эмма на секунду прикрыла глаза. В прошлом году они с Алекс попали в одну команду по бегу на пересеченной местности. Обе выбыли из соревнований на первом же этапе – при спуске со стартового холма – и быстро подружились, пока медсестра обрабатывала им ранки и порезы жгучим антисептиком. Весь год с фотоаппаратом Алекс наперевес девочки охотились за знаменитостями в казино, гуляли по торговым центрам и бросали тележку на выходе, так ничего и не купив, а в выходные загорали на водохранилище Мид.

– Я не хочу создавать проблем, – Эмма вытащила из шкафа стопку старых футболок и бросила их в сумку. Она жила со Стоуксами несколько недель после того, как Урсула и Стив переехали на Флорида-Кис. Отличное было время! Но миссис Стоукс была матерью-одиночкой, проблем у нее хватало и без Эммы.

– Кларисса совсем с ума сошла – вот так взять и выставить тебя! – Алекс явно что-то жевала. «Шоколад, скорее всего, – сообразила Эмма. – Жить без него не может». – Неужели она поверила, что ты украла ее деньги?

– Проблема не только в деньгах, – стопка джинсов отправилась вслед за футболками.

– Что еще стряслось?

Эмма подцепила ногтем отваливающуюся нашивку. Рассказывать о видеозаписи она не хотела даже Алекс. Не сейчас. Пусть это остается маленьким секретом еще пару дней – на случай если весь эпизод на заднем дворе окажется просто дурным сном.

– Не спрашивай, я все равно не отвечу. Обещаю, что скоро все объясню. Честное слово.

Повесив трубку, Эмма уселась на ковер и осмотрела комнату. На стенах больше не висели черно-белые снимки Маргарет Бурк-Уайт и Энни Лейбовиц[2 - Знаменитые американские фотожурналистки.], собрание классики и научной фантастики тоже перекочевало в сумки. Комната выглядела теперь как обычная каморка в мотеле, которую можно снять на час. Один из ящиков комода был открыт: там лежали все немудреные сокровища, которые Эмма возила с собой из дома в дом. Вязаную игрушку ей подарил учитель музыки, когда она наконец смогла без ошибок сыграть «К Элизе», – целое событие, учитывая, что у нее дома не было пианино. Сохранила Эмма и несколько подсказок для «охоты за сокровищами» от Бекки, хотя бумага уже истрепалась настолько, что была готова вот-вот рассыпаться в пыль. Носкминога, потертого плюшевого осьминога, мать купила ей по дороге в Четыре угла[3 - Четыре угла – название связано с Монументом четырех углов, который находится на пересечении границ четырех штатов (Колорадо, Нью-Мексико, Аризона, Юта). Это единственное подобное пересечение границ в США.]. В самом низу, заботливо спрятанные от посторонних глаз, лежали пять толстых тетрадей со стихами, «Список Остроумных Ответов, Которые Я не Могу Себе Позволить», «Как Флиртовать с Парнями: Инструкции», «Полный Перечень Всего, Что Я Люблю» и подробные описания всех секунд-хендов в округе – настоящее исследование круговорота вещей от доставки до распродажи с подробными советами («Всегда проверяй дно корзины с обувью, там можно найти почти новые балетки от Kate Speidl»).

Последними в сумку отправились выдавший виды Polaroid и стопка фотографий. Камера принадлежала Бекки, но Эмма взяла ее с собой в ту ночь, когда отправилась ночевать в гости к Саше. К каждому снимку она придумывала заголовки из жизни своих приемных семей, словно готовила их к публикации в глянцевого журнале. «Приемная Мать Бросает Детей На Произвол Судьбы и Запирается в Комнате, Чтобы Посмотреть “Предоставьте это Биверу!”», «Семейство Хиппи Сбегает во Флориду!», «Опекунша Меняет Работу и Уезжает в Гонконг: Как Поступит Приемная Дочь?». Будь ситуация не такой отчаянной, Эмма сочинила бы что-нибудь и о событиях сегодняшнего вечера. Заголовок вроде «Брат-Злодей Сломал Жизнь Сестре» подошел бы. Или еще лучше «Девушка Находит Двойника Через Интернет! Кто Это, Ее Потерянная Сестра?».

Эта мысль заставила Эмму на секунду замереть и покоситься на старенький ноутбук, лежавший на полу рядом с сумкой, – еще одно удачное приобретение, на сей раз из ломбарда. Эмма глубоко вздохнула, набираясь смелости, потом взяла его, села на кровать и открыла. Экран мигнул и послушно включился. Найти видео удушения, которое показывал Трэвис, оказалось не трудно: оно было первым в списке. Загружено всего несколько часов назад.

На экране снова возникла знакомая зернистая картинка. Девушка в повязке лягалась и царапала себе шею, пытаясь сорвать цепочку. Темная фигура на заднем плане все туже затягивала ее. Потом камера упала на землю, и кто-то поспешно сорвал с лица жертвы повязку. Она лихорадочно крутила головой, но глаза то и дело закатывались, словно у куклы. Наконец сфокусировав взгляд, девушка посмотрела в объектив. Зеленовато-голубые глаза еще казались затуманенными, щеки горели, но сомнений не оставалось – Эмма смотрела на свое собственное лицо. Совпадали даже мелкие детали.

– Кто же ты? – прошептала она, невольно содрогнувшись.

Если бы я только могла ей ответить! Если бы только могла не просто следовать за ней невидимым призраком, а помогать и давать советы! Но я была лишь наблюдателем, зрителем в кинотеатре, который не может даже бросить попкорном в экран.

Видеозапись закончилась, всплыл вопрос: «Повторить просмотр?» Эмма покачалась из стороны в сторону, раздумывая. В конце концов, она открыла Google и набрала в строке поиска тот же запрос, что и Трэвис: «Саттон, Аризона». Результатов было мало, но среди них нашлась страница пользователя

Facebook, девушки по имени Саттон Мерсер, родом из Тусона в Аризоне.

Через окно с улицы доносился визг шин, похожий на язвительный смех. Страница загрузилась, и первая же фотография заставила Эмму удивленно ахнуть. Фотограф запечатлел Саттон Мерсер, стоящую в холле дома в окружении нескольких других девушек. Длинное черное платье, серебристые туфельки на высоком каблуке, голову украшает блестящая повязка. Эмма не могла отвести взгляда от лица девушки; она несколько раз моргнула, а потом наклонилась к экрану в надежде найти хоть малейшее отличие между собой и Саттон. Ощущение было такое, будто смотришь в зеркало: даже небольшие уши и аккуратные ровные зубы у них были одинаковыми!

Чем дальше Эмма обдумывала эту идею, тем больше убеждалась: у нее действительно могла быть сестра-близнец. Нередко ее посещало ощущение, что она не одна в этом мире и кто-то наблюдает за ней. Иногда она просыпалась по утрам, зная, что всю ночь ей снилась девушка, которая выглядела точно так же, как она. Эти сны всегда бывали очень яркими. В одном из них она ехала верхом по какому-то ранчо, и солнечный свет плясал на боках ее лошадки. В другом – возилась с черноволосой куклой на заднем дворе. Бекки однажды забыла Эмму в торговом центре. Что, если то же самое случилось и с другим ее ребенком? И все эти странные покупки вроде двух одинаковых пар туфель были не признаком депрессии, а подарками для Эммы и ее сестры, которую мать однажды потеряла.

Тут настал мой черед задуматься. Вполне возможно, что Эмма права и все эти туфельки и платья предназначались мне.

Эмма продолжала изучать фотографию, наводя курсор на стоящих рядом с Саттон девушек и читая всплывающие подписи. Мадлен Вега – блестящие черные волосы, огромные карие глаза, щель между передними зубами – у Мадонны такая же! – стройная, как молодое деревце. Она стояла, чуть склонив голову набок. Тонкое запястье украшала переводная – или настоящая? – татуировка с красной розой, красное платье облегалo фигуру, подчеркивая грудь.

Рядом с Мадлен застыла рыжая девушка – Шарлотта Чемберлейн. Красивые зеленые глаза и бледная кожа, которую подчеркивало черное шелковое платье, плотно обтягивающее широкие плечи. Справа и слева по краям – еще две девушки, обе блондинки, с одинаковым разрезом глаз и вздернутыми носиками.

Всплывающий ярлык любезно подсказал Эмме, что их зовут Лилианна и Габриэлла Фиорелло, комментарий от Саттон сообщал, что это «Двойняшки-твиттеряшки».

Заглянув Эмме через плечо, я поняла, что знаю всех этих девушек. Когда-то мы были друзьями, но сейчас мои воспоминания больше походили на впечатления о книге, прочитанной года два назад: вы точно знаете, что она вам понравилась, но вот почему именно?

Большая часть страницы Саттон была открыта для всех желающих. Она училась в выпускном классе в школе «Холли», увлекалась теннисом, обожала шопинг и обертывания с папайей. В графе «Предпочтения» значилось: «Люблю Gucci больше Dolce, но мой сладкий – лучше всех!»

Эмма удивленно нахмурилась.

Я вполне разделяла ее чувства. Что, черт возьми, это должно значить?

Открыв фотоальбом, Эмма стала рассматривать снимки множества девушек в теннисной форме и кроссовках. У их ног лежала табличка «Сборная “Холли” по теннису». Саттон была среди них: третья слева, волосы собраны в тугий хвост. Рядом с ней стояла девушка-индианка, отмеченная на фото как Ниша Банерджи. На губах ее играла хитрая приторная улыбка.

Я пристально вгляделась в ее лицо и тут же ощутила легкое покалывание во всем своем невидимом теле. Ниша мне не нравилась, но я не помнила, почему.

Следующим был снимок, на котором Саттон и Шарлотта стояли на теннисном корте рядом с высоким мужчиной. Волосы его уже посеребрила седина, но Эмме он все равно показался привлекательным. В этот раз всплывающей подписи не появилось, поэтому пришлось доверять комментарию Саттон: «На чемпионате Аризоны по теннису вместе с Шар и мистером Чемберлейном».

Еще одна фотография – Саттон в объятиях молодого симпатичного блондина в футбольной форме – была подписана «Люблю тебя, Гар!». Первый же комментарий – от некоего Гаррета – вторил этой подписи: «И я тебя, Саттон».

«Как мило», – подумала Эмма.

Я не могла с ней не согласиться.

Последним в фотоальбоме был снимок, на котором Саттон сидела за столом во внутреннем дворике. Рядом с ней сидели двое взрослых – мужчина и женщина – и девушка с русыми волосами и квадратной челюстью, отмеченная на фото как Лорел Мерсер. Видимо, родная дочь приемных родителей Саттон. Все они улыбались, подняв бокалы, словно только что был произнесен тост. «Люблю семейство!» – прокомментировала снимок сама Саттон.

Эмма долго вглядывалась в картинку, стараясь не обращать внимания на щемящее чувство в груди. Именно так выглядели ее мечты об идеальной семье, именно такими должны были быть на Земле звездочки с именами Мама, Папа и Эмма: красивыми, счастливыми, живущими нормальной жизнью в уютном доме. Если бы она отрезала голову от собственного снимка и приставила к телу Саттон, никто не заметил бы разницы. Ее история была полной противоположностью тому, чем она могла быть. Там же, на странице Саттон, Эмма обнаружила несколько видеороликов и немедленно запустила один из них. Ролик был снят на ухоженной зеленой лужайке, похожей на поле для гольфа. Саттон, Мадлен и Шарлотта стояли на коленях с баллончиками краски в руках. Медленно, без лишнего шума, на большом камне стали появляться цветные надписи.

«Скучаем по тебе, Т», – старательно выводила Мадлен. Саттон ограничилась лаконичным: «Здесь была Ниша».

– А где Лорел? – спросила Шарлотта.

– Ставлю сотню, что она струсила, – негромко ответила Саттон. Эмма вздрогнула, услышав ее голос, он звучал так знакомо!

Остальные видеозаписи были похожи на первую: Саттон и ее друзья прыгают с парашютом, Саттон и ее друзья на «тарзанке». Немало было среди них и дурацких розыгрышей, заключающихся в основном в том, чтобы подкараулить кого-нибудь, а потом неожиданно выскочить всей толпой из-за угла и напугать. Последнее видео называлось «Клянусь жизнью!». Снимали ночью. Первой в кадре появилась Мадлен, красиво нырнувшая в подсвеченный бассейн. Почти

тут же она показалась над поверхностью воды, отчаянно размахивая руками.

- Помогите! Кажется, я сломала ногу! – темные волосы девушки мокрыми прядями закрывали лицо – Не могу... тону!

Камера дрогнула.

- Мадс, ты в порядке? – прозвучал за кадром голос Шарлоты.

- Вот черт, – выругался кто-то невидимый.

- Помогите! – Мадлен явно тонула.

- Минуточку, – неожиданно вмешалась Саттон, голос ее слегка дрожал. – Она ведь не сказала стоп-фразу?

В кадре появилась Шарлотта со спасательным жилетом в руках.

- Что? – растерянно переспросила она.

- Она сказала кодовую фразу? – повторила Саттон.

- Я... нет... Нет, не думаю, – Шарлотта поджала губы и швырнула жилет на землю. – Не смешно, Мадс! – крикнула она тонущей. – Ты плохая актриса! Никто не купился!

Мадлен немедленно перестала хлопать руками по воде.

- Раскусили! – крикнула она, поворачиваясь к лестнице. – Но сначала-то вы все поверили! У Шар был такой вид, будто она сейчас описается от страха.

За кадром раздался дружный смех.

«Ничего себе, – поразилась Эмма. – Это они так развлекаются, что ли?».

Признаться, я тоже была удивлена.

Однако как бы внимательно Эмма ни исследовала страницу Саттон, пытаюсь найти хоть какие-то намеки на таинственную видеозапись с удушением, она ничего не нашла. Единственным, что заставило ее немного насторожиться, была отсканированная листовка с надписью «ТАЙЕР ВЕРА. Ушел из дома 17 июня и не вернулся» и фотографией улыбающегося подростка под ней. Пролистав остальные снимки, Эмма убедилась, что у Мадлен была такая же фамилия.

Но самое большое потрясение ждало меня, когда девушка открыла раздел с личными записями Саттон. Последняя была сделана всего несколько часов назад: «Хотелось ли вам когда-нибудь сбежать прочь? Со мной такое случается». Эмма нахмурилась. Почему Саттон хотела сбежать? У нее ведь было абсолютно все.

На этот вопрос я ответить не могла, но запись породила целую бурю мыслей в голове. Если она появилась всего несколько часов назад, значит, тогда я еще была жива. Получается, никто даже не знает о случившемся? Просмотрела остальные записи в новостях: никаких «RIP Саттон», ни слова о поминках. Может быть, тело еще не нашли и я так и лежу где-нибудь в поле?

Опустив глаза, я снова увидела кусочек своего тела. Этот фокус удался мне уже несколько раз – кисть руки, локоть, шорты для купания, желтые шлепанцы, – ничего особенного. Никаких следов крови. И кожа не посинела.

Эмма уже собиралась закрывать страницу, когда ее внимание привлек комментарий от Шарлотты. «Жду не дождусь твоего дня рождения! – писала она. – Вот будет веселье!». Один взгляд на информацию в профиле подтвердил догадку Эммы: 10 сентября. Они родились в один день.

«Случайность!» – твердила себе Эмма, но ее сердце бешено колотилось.

Меня, честно говоря, тоже охватили смешанные чувства: надежда, радость, удивление. Что, если мы действительно близнецы?

Тем временем Эмма открыла новое окно и зашла в Facebook под своим паролем. Ее собственная страница выглядела невзрачно – особенно по сравнению с тем, что мы только что видели. Размытое фото с Носкминогом на аватарке, пятеро друзей: Алекс, Трейси, старшая девочка в одной из опекавших ее семей,

официальная страница кафе-мороженого и два актера из сериала «Место преступления». Снова отыскав страницу Саттон, Эмма нажала «Отправить личное сообщение»: «Знаю, прозвучит странно, но мы с тобой, кажется, родственники. Выглядим совершенно одинаково и родились в один день. Я живу в Неваде, недалеко от тебя. Скажи, есть ли вероятность, что тебя удочерили? Напиши или свяжись со мной по телефону в профиле, если решишь поговорить».

Отправив сообщение, Эмма подняла голову и невидящими глазами обвела комнату. Только что она совершила поступок, который может изменить всю ее дальнейшую жизнь. Мир, казалось, должен был преобразиться, как по волшебству! Но на подоконнике не появились весело пляшущие лепреконы, глиняные статуи за окном не ожили, чтобы к ним присоединиться, – только тихо жужжал вентилятор на столе, обдавая ее потоками теплого воздуха, да маячило на ковре возле шкафа причудливое пятно в форме буквы «М» (оно появилось еще до того, как Эмма тут поселилась).

Мигнули часы в углу экрана: 22:12 сменилось на 22:13. Эмма обновила страницу. Ничего. Тогда она выглянула в окно сквозь щель в пыльных шторах и нашла на небе звезды Маму и Папу. Сердце колотилось в груди так, будто пыталось вырваться наружу.

Что я наделала...

Пытаясь справиться с волнением, Эмма потянулась к телефону и набрала номер Алекс, но та не взяла трубку. «Ты не спишь?» – написала она в сообщении, однако ответа не было.

Шум магистрали за окном постепенно стихал. Эмма вздохнула, пытаясь решить, что же делать дальше. Возможно, действительно стоит вернуться в Хендерсон и поселиться у Алекс: у них есть свободная комната, можно снять ее за небольшие деньги. Работу тоже легко найти: рядом есть круглосуточный супермаркет, где будут рады сотруднику ночной смены. Тогда удастся даже окончить школу, а может быть, и попасть на стажировку в местную газету...

Бзззззз.

Эмма вздрогнула и открыла глаза. Луна за окном уже забралась высоко в небо. Часы на экране показывали 0:56. Видимо, она задремала и...

Бзззззз.

Экран телефона ярко светился. Девушка несколько секунд смотрела на него, как на диковинную зверушку, готовую укусить, стоит только протянуть руку.

Приглядевшись, она поняла, что на экране мигает иконка нового сообщения. Дрожащими руками – сердце так и колотилось! – она запустила приложение. Сообщение пришло на Facebook, и Эмме пришлось перечитать его четыре раза прежде, чем она полностью поняла, что там написано.

«ОМГ. Глазам не верю. Да, да, меня удочерили. Но я о тебе никогда не слышала. Давай Встретимся завтра в шесть вечера на прогулочной базе в каньоне сабино (это в тусоне)? Ниже номер моего мобильного. Никому не рассказывай о нашей встрече, это может быть опасно! Скоро увидимся!

С любовью, Саттон (твой близнец)».

Милое сообщение. Вот только я его не писала.

4. Неудавшееся воссоединение

Дорога заняла несколько часов. В середине следующего дня Эмма вышла из рейсового автобуса, перекинув дорожную сумку через плечо. От асфальта поднимались волны жара; воздух был настолько горячим, что казалось, будто ты стоишь под огромным феном. По правую руку тянулся ряд небольших кирпичных домиков, заканчивавшийся фиолетовым зданием, в котором находилась студия йоги для мужчин с многообещающим названием «Лингам». Слева возвышалось огромное здание отеля «Конгресс», выглядевшее совершенно заброшенным. Окна первого этажа были заклеены афишами о предстоящих концертах. Возле входа топтались двое куривших парней. В соседнем доме, кажется, находился магазин игрушек для взрослых: в витрине были выставлены манекены в облегающих костюмах кошечек, сетчатых колготках, сапогах на высоком каблуке и с хлыстами в руках.

Оглядевшись, Эмма нашла здание автовокзала. «Тусон. Центральная», – гласила табличка на стене. Несколько часов дороги по соседству с парнем, у которого явно была зависимость от чипсов со вкусом перца-чили, – и вот она здесь. В какой-то момент ей даже захотелось подбежать к автобусу, обнять его и поцеловать, но ее отвлек звонок мобильного. На экране высветилась фотография Алекс.

– Привет! – Эмма прижала трубку к уху. – Угадай, где я?

– Не может быть! – восхищенно выдохнула Алекс.

– Еще как может! – Эмма перебралась на лавочку под навесом, бросила на нее сумку и плюхнулась рядом. Вчера подруга ответила на ее сообщение глубокой ночью. Эмма тут же перезвонила ей и на одном дыхании рассказала о Саттон и о переписке с ней.

– Клариссе я оставила записку, – продолжала она, поджав ноги, чтобы не мешать проходящей мимо пожилой паре с чемоданами на колесиках. – Социальные службы тоже не станут тревожиться, мне ведь уже почти восемнадцать.

– И что ты скажешь этой Саттон? Как думаешь, если выяснится, что вы правда сестры, ты сможешь у них поселиться? – Алекс вздохнула и с легкой завистью добавила. – Прямо «Золушка» на новый лад, только круче и без дурацкого принца!

Откинувшись на спинку скамейки, Эмма окинула взглядом сиреневые очертания гор на горизонте.

– Я боюсь так далеко загадывать, – ответила она наконец. – Сначала посмотрим, удастся ли нам сойтись характерами.

Всю дорогу, все эти долгие часы Эмма проигрывала в голове разные сценарии возможной встречи с Саттон и мечтала о том, как сестра изменит ее жизнь. Может быть, она пригласит ее переехать в Тусон, познакомит с приемными родителями. «Вдруг они предложат поселиться у них?» – мечтала Эмма, боясь признаться в этом даже себе. Тогда они с Саттон могли бы вместе ходить в школу. Несмотря на жару, она почувствовала, как по коже пробежали мурашки. Смелая мечта, но как знать? Все это и правда напоминало сказку о Золушке.

Но сначала нужно успеть на встречу. Заметив на другой стороне улицы ярко-зеленое такси, Эмма помахала рукой, привлекая внимание водителя.

- Никому ничего не рассказывай! – напоследок напомнила она подруге.

- Ни слова, – пообещала Алекс. – Удачи!

- Спасибо!

Повесив трубку, Эмма забралась на заднее сиденье подъехавшей машины. Голос ее слегка дрожал, когда она объясняла водителю, куда ехать. Такси развернулось и мягко покатило по улицам Тусона. Устроившись поудобнее, Эмма крутила головой по сторонам, невольно улыбаясь каждый раз, когда на глаза ей попадались здания Аризонского университета. Среди них была и «Высшая школа фотографии», куда ей очень хотелось заглянуть на выставку.

Мимо проплыла лужайка одного из колледжей, по которой бесцельно слонялись, жарясь под солнцем, студенты. По тротуару, как стадо спугнутых оленей, пронеслась группа бегунов. В центре двора Эмма разглядела девушку, одетую в костюм конопли. В руках у нее был плакат: «Поддержи “травку” гудком!» Водитель такси немедленно нажал на кнопку сигнала.

Миновав университетский городок, они свернули на шоссе номер 10 и двинулась на север. Дома по обеим сторонам дороги стали выше, среди них то и дело попадались спортзалы, милые ресторанчики, магазины деликатесов и бутики. Заметив спа-салон Elizabeth Arden, Эмма снова стала мечтать: «Мы с Саттон могли бы вместе пойти на педикюр».

Эта мысль, хотя и была приятной, заставила ее немного напрячься. Педикюр она делала себе сама, потому что каждый раз, когда кто-то пытался прикоснуться к ее ногам, она начинала дергаться и нервно хихикать.

Меня же с каждым километром охватывало все более сильное оцепенение. Неверные тени прошлого то и дело всплывали в сознании – восторг и трепет при виде мелькнувшей за окном вывески ресторана NoRTH, аромат жасмина и дорогих духов, – но ни одна из них так и не оформилась в четкое воспоминание. В голове роились вопросы. Кто ответил Эмме с моего аккаунта? Известно ли уже

кому-нибудь о моей смерти? Возможно, я смогла бы понять что-то, если бы лучше рассмотрела собственную страницу на Facebook, но Эмма туда не заходила. С момента моей гибели прошел уже целый день, возможно, даже больше, – так почему никто не начал беспокоиться, куда я пропала? Почему никто не нашел тело? С другой стороны, если это и правда убийство, труп могли разрезать на кусочки и спрятать.

О, как же мне хотелось плакать! Кричать. Вопить. Стонать. Но я могла только молча следовать за Эммой, объятая ужасом. Когда-то мне снились сны, в которых я падала с крыши небоскреба и не могла позвать на помощь, хоть и пыталась. Сейчас я была даже более беспомощна, чем тогда.

Такси свернуло налево, и Эмма увидела высокую гору. Изъеденная временем и ветром деревянная табличка извещала, что они прибыли в каньон Сабино.

– Приехали, – сообщил водитель.

Наконец-то!

Эмма отдала ему двадчатку и выбралась из машины. Под ногами похрустывал гравий, в воздухе пахло пылью и раскаленной землей. Туристы, готовившиеся к походу, разминались возле заборчика в нескольких метрах от дороги, вдоль которой тут и там виднелись пятна розовых, желтых и пурпурных цветов. Над всем этим возвышались заснеженные горные вершины, уходя в голубое небо.

«Как красиво», – подумала Эмма и потянулась за камерой. В сумке, которую она привезла с собой, лежало не так много вещей: старый Polaroid, кошелек, Носкминог, сменная одежда и дневник, потому что она боялась оставлять его где-нибудь. Остальное – включая все ее сбережения – осталось в Вегасе, в камере хранения на автовокзале.

Фотоаппарат зашуршал и выплюнул снимок. Эмма вытащила фотографию и пристально вглядывалась в нее, пока картинка не проявилась полностью. «Первая Встреча Потерянных Сестер» – отличный заголовок для такого случая.

Было ровно шесть часов вечера. Эмма села на лавочку, достала из кармана сумки пудреницу и быстро осмотрела себя в зеркальце. К встрече с Саттон Эмма готовилась, словно к встрече с новой приемной семьей: с вечера выбрала

полосатое платье из джерси, которое купила в секонд-хенде на распродаже, а сейчас проверила, не смазался ли блеск для губ, не пахнут ли кожа и волосы бензином и чипсами после долгой дороги. Опекуны обычно дарили ей всего один долгий оценивающий взгляд, но его было достаточно, чтобы решить, возьмут ли они девочку к себе в дом. «Пожалуйста, пусть я вам понравлюсь, – каждый раз твердила она, переминаясь с ноги на ногу в бесчисленных кухнях или на одинаковых садовых лужайках. – Пожалуйста, пусть все пройдет гладко. Пожалуйста, пусть у меня не потечет внезапно из носа».

Со стороны тропы показалась еще одна группа туристов. Эмма проверила часы на телефоне: 18:10. Что, если Саттон из тех, кто вечно везде опаздывает? С другой стороны, есть время подумать, что ей сказать. «Привет, Саттон, – беззвучно произнесла Эмма, растянув губы в улыбке. – Значит, Бекки и тебя потеряла?». Она протянула невидимой сестре руку, обдумала этот жест, покачала головой. Наверное, лучше будет обняться? И как поступить, если разговор не сложится? Не стоять же, тупо уставившись друг на друга.

Эта мысль снова навела ее на воспоминания о странном видео. Неужели кто-то и правда считает такие развлечения забавными? На ум пришел рассказ Трэвиса о девочках из его школы.

– Ну надо же! – воскликнул кто-то у нее за спиной.

Эмма подскочила от неожиданности и обернулась. Позади стоял незнакомый мужчина в шортах и футболке. Волосы у него были цвета соли с перцем, а уже начавшаяся расплываться фигура напоминала доктора Лоури, единственного сотрудника социальных служб, к которому Эмма испытывала симпатию. Лоури разговаривал с ней как с нормальным человеком, а не как с чокнутой приютской девчонкой.

И тут Эмма внезапно поняла, кто перед ней. В памяти всплыла фотография со страницы Саттон.

«На чемпионате Аризоны по теннису вместе с Шар и мистером Чемберлейном».

Этот человек принадлежал миру Саттон.

Саттон – то есть я – о нем, впрочем, мало что помнила.

На лице незнакомца появилось встревоженное выражение.

- Саттон, что ты тут делаешь?

Эмма нахмурилась, внезапно осознав, за кого он ее принял. Язык, казалось, распух и не слушался, губы дрожали, когда она попыталась улыбнуться.

«Никому не рассказывай о нашей встрече, это может быть опасно!».

- Да так... Просто сижу, - ответила Эмма, чувствуя себя очень странно. Ладони тут же начали нестерпимо зудеть - как всегда, когда она врала взрослым.

- Ты собираешься в поход? - не отставал мистер Чемберлейн. - Вот чем теперь дети занимаются по вечерам?

Эмма бросила взгляд на дорогу, надеясь увидеть свою сестру-близнеца, которая появится и разрешит недоразумение. Но ни одна из проезжавших мимо машин не затормозила; незнакомыми оказались и подростки, крутившие педали велосипедов вниз по склону.

- Ну... не совсем.

Неподалеку залаяла собака, и Эмма отвернулась и стала высматривать ее. Собак она побаивалась после того, как ее покусал соседский чау-чау; ей тогда было девять лет. Однако на сей раз мишенью был выскочивший на дорожку кролик. Эмма проследила за ним, а потом снова обернулась к отцу Шарлотты. Тот сунул руки в карманы, явно собираясь уходить.

- Увидимся, - сказал он на прощание. - Хорошего вечера.

Эмма откинулась на спинку скамейки. Все это было очень странно. Прошло уже двадцать минут, а Саттон так и не появилась. Сообщения типа «Я задержалась, но скоро буду!» тоже не приходили. С каждой секундой напряжение росло. Пейзаж вокруг уже не выглядел идиллическим, фигуры туристов, спускавшихся в долину, казались размытыми силуэтами каких-то монстров. В воздухе запахло чем-то едким.

Что-то пошло не так.

За спиной девушки громко хрустнула ветка. Эмма обернулась, но прежде чем успела понять, что происходит, маленькая ладонь закрыла ей глаза и вынудила подняться.

– Эй! – попыталась возмутиться Эмма, но ей тут же зажали рот. Попытавшись вывернуться, девушка почувствовала, как холодный и твердый предмет уперся в спину между лопаток, и замерла от ужаса. Ей никогда раньше не приставляли к спине ствол пистолета, но сомнений в том, что это именно он, не было.

– Не дергайся, паршивка! – прошипел кто-то на ухо. Эмма почувствовала горячее дыхание говорившего на шее, но видеть его по-прежнему не могла. – Ты пойдешь с нами.

Мне очень хотелось увидеть нападавших, но в посмертии обнаружился неприятный нюанс. Я могла смотреть только глазами Эммы. И поскольку она ничего не видела, я тоже была слепа.

5. Теперь она стала мной

Спотыкаясь, Эмма шагала вслед за похитителями. Дуло пистолета холодило ей кожу. Сквозь шарф, которым ей завязали глаза, можно было различить только смутные фигуры вокруг, зато рев машин слышался очень хорошо. Эмма нервно всхлипнула. Перед глазами у нее снова и снова вставали кадры из найденного Трэвисом видео. Руки, тянущие за цепочку. Тело Саттон, бессильно обмякшее на стуле.

Я разделяла ее ужас.

Под ногами Эммы зашуршал гравий – дорога. Совсем рядом раздался гудок автомобиля, но кто-то подтолкнул девушку в спину, и через секунду она споткнулась о бордюр на другой стороне. Чем дальше она шагала, тем тише становился шум трассы, уступая место громкому гулу. Откуда-то потянуло запахом жаренного на гриле мяса и сигаретным дымом, послышался плеск и

веселый смех. Эмма сжала кулаки. Куда ее ведут?

– Какого черта?!

В ту же секунду с Эммы сорвали повязку. Мир снова обрел очертания, и она увидела перед собой рыжеволосую широкоплечую девушку. На ней было короткое голубое платье с кружевным воротником. «Шарлотта», – вспомнила Эмма.

– По-моему, она уже усвоила урок, – девушка швырнула повязку куда-то в кактусы.

Эмма обнаружила, что никто больше не держит ее за руки. Дуло пистолета тоже исчезло. Обернувшись, она обнаружила у себя за спиной трех ярко покрашенных девушек в нарядных платьях.

Самую высокую из них Эмма узнала сразу: темные волосы, высокие скулы, татуировка с розочкой на запястье. Мадлен Вега, вне всяких сомнений, только в этот раз ее волосы были собраны в тугий пучок, как у балерины. Рядом стояли две девушки пониже, одинаково светловолосые и голубоглазые. Обе держали в руках смартфоны, но на этом их сходство и заканчивалось. Одна выглядела взрослой леди, как и полагается ученице дорогой школы: спортивное платье, белая повязка на голове, босоножки на танкетке. Вторая, казалось, только что приехала со съемок клипа какой-нибудь рок-группы. Короткое клетчатое платье без рукавов оставляло открытыми руки, унизанные черными браслетами, и длинные ноги в черных же высоких ботинках. Перед Эммой стояли двойняшки Фиорелло, Габриэлла и Лилианна.

– Здорово мы тебя разыграли? – Мадлен слегка улыбнулась. Двойняшки за ее спиной синхронно хмыкнули.

– Разыграли? – возмутилась Шарлотта. – Давно ли повтор старых розыгрышей считается за новые?

– На самом деле это был не повтор. – Мадлен одернула подол короткого белого платья. Когда она подняла руки, в одной из них блеснул футляр губной помады. Девушка с улыбкой ткнула им в руку Эммы. – Саттон сразу же догадалась, что к чему. Собачка моей мамы, и та поняла бы, что это не пистолет!

Эмма невольно отшатнулась, когда холодный футляр коснулся ее плеча. Саттон, может, и поняла бы, но она... И тут девушка осознала: Мадлен назвала ее именем сестры – точно так же, как и отец Шарлоты.

– Минуточку, – пробормотала Эмма, внезапно обнаружив, что немного осипла от пережитого ужаса, – я не...

Шарлотта не дала ей договорить. Все еще сверля Мадлен сердитым взглядом, она уперла руки в бока:

– Даже если Саттон обо всем догадалась, розыгрыш вышел дурацким! Ты просто не хочешь признать.

Мадлен промолчала. Шарлотта не была самой красивой из девушек, но она определенно тут верховодила.

– И с каких это пор мы делаем подобные вещи вместе с ними? – она раздраженно ткнула в Габриэllu и Лилианну. Те дружно потупили глаза.

Мадлен тоже смутилась и принялась теревить ремешок часов.

– Хватит уже, – буркнула она. – Все вышло случайно. Я увидела Саттон и... Это было лучшее, что мне пришло в голову.

Шарлотта подошла еще ближе к подруге и слегка толкнула ее в грудь.

– Мы ведь вместе придумывали правила, забыла? Или эти дурацкие пучки, которые вы вяжете себе в балетном классе, перетягивают не только волосы, но и извилины в голове?

Мадлен вздрогнула. Эмма откровенно любовалась девушкой: большие глаза, высокие скулы, чувственные губы делали ее похожей на изваяние древней красавицы. Но привлекательность, похоже, не являлась для нее залогом удачи: пальцы Мадлен теревили кроличью лапку-брелок, прицепленный к ручке сумки.

– Ты поручишься, что твои джинсы не пережимают кое-чего поважнее? – парировала она.

Я протянула руку, чтобы коснуться Мадлен, но мои пальцы прошли сквозь нее.

– Мадс? Шар?

Ни одна из них не отреагировали на мой оклик. Я же смотрела на них и ничего не могла вспомнить. Когда-то мы были близки, но почему? И как, черт побери, они могли принять Эмму за меня? Как вышло, что мои лучшие подруги до сих пор ничего не знают?

– Послушайте, – снова вмешалась Эмма, оглядываясь назад. Табличка с названием каньона золотилась в лучах закатного солнца. – Я должна быть не здесь.

– Да неужели? – насмешливо покосилась на нее Мадлен. – А где? Может, на вечеринке у Ниши?

Она взяла Эмму под руку и потащила к видневшимся неподалеку небольшим железным воротам, ведущим на задний двор дома.

– Я прекрасно знаю, что у вас сложные отношения, – продолжала она, – но завтра нам в школу. Сегодня последний шанс как следует оторваться. Тебе не надо даже с ней разговаривать, просто потанцуем и все. И кстати, где ты была весь день? Мы звонили. А потом заметили на той лавочке возле каньона. Что ты там делала? Ты выглядела как лунатик.

– Это выглядело странно, – встряла Лиана.

– Суперстранно, – согласилась Габриэлла, вытаскивая из кармана аптечную бутылочку. Уверенным движением вытряхнула на ладонь пару таблеток и отправила в рот, запив глотком диетической колы. Эмма покосилась на нее с опаской, а потом стала разглядывать остальных. Рассказать им, кто она на самом деле? Что, если это и правда опасно? Внезапно она обнаружила, что во время «похищения» лишилась своей сумки с вещами.

Обернувшись, Эмма отыскивала взглядом лавочку, на которой ждала Саттон. Сумка осталась там. Если ее таинственная сестра все-таки появится, то догадается: что-то случилось. Если же нет... рано или поздно Эмма улизнет от новых подруг и заберет вещи.

– Подождите-ка, – она остановилась возле очередного цветущего кактуса, освободила руку от хватки Мадлен и полезла в карман за телефоном. Счастье еще, что он не остался в сумке!

«Новых сообщений нет».

Прикрыв экран одной рукой, Эмма начала быстро печатать сообщение Саттон: «Случайно встретила твоих подруг. Вместе ушли на вечеринку в дом через дорогу. Они думают, что я – это ты. Даже не знаю, что им сказать. Напиши мне, как лучше поступить, окей?»

Печатала она быстро – наконец-то пригодилось третье место по скорости набора текста, полученное два года назад на чемпионате в Вегасе! – и вскоре сообщение уже полетело к получателю. Так-то лучше. Саттон может прийти сюда и исправить ситуацию... Или они встретятся позже, а пока имеет смысл притвориться ею?

– Кому это ты пишешь? – Мадлен наклонилась к телефону Эммы, пытаясь разглядеть номер. – И почему снова ходишь с этим старьем? Я думала, ты давно его выбросила.

Эмма спрятала смартфон раньше, чем ее спутница смогла бросить взгляд на экран. Затем повернулась к Мадлен, прокручивая в голове ролики со страницы Саттон в Facebook. Изобразить ее игривый взгляд труда не составило. Слова дались тяжелее:

– Не твое собачье дело!

Стоило этой реплике сорваться с губ, как Эмма едва не зажала себе рот рукой. Желудок скрутило от страха. Те, кто знал ее достаточно давно, наверное, не были бы так уж удивлены. Но обычно такие колкости попадали в «Список»; произносить их вслух было непозволительной роскошью.

Мадлен в ответ лишь насмешливо фыркнула.

– Вот только не надо на меня собак спускать, – она вытащила из сумочки телефон. – Лучше иди сюда, сделаем фото.

Подруги столпились перед объективом, Эмма стояла позади, нервно улыбаясь. Пара снимков, и все дружно двинулись по подъездной дорожке к дому. С заходом солнца заметно похолодало; ветер то и дело приносил запахи барбекю, цитронелловых свечей и сигаретного дыма. Габриэлла и Лилианна шагали, не поднимая глаз от телефонов, полностью оправдывая полученное от Саттон прозвище. Возле входа в здание все свернули с дорожки, чтобы срезать угол, и Эмма почувствовала на своем плече руку Шарлотты. Вместе они замедлили шаг, постепенно отстав от остальных.

– Ты в порядке? – Шарлотта притормозила еще немного, чтобы поправить платье. Ее руки были сплошь усеяны веснушками.

– Все отлично, – беззаботно отозвалась Эмма, хотя пальцы ее дрожали, а сердце бешено колотилось о ребра.

– Тогда где Лорел? – теперь Шарлотта поправляла макияж. – Ты же говорила, что захватишь ее с собой.

Эмма нервно моргнула. Лорел. Сестра Саттон... кажется. Вот бы в Википедии был раздел о ней и ее семье – он бы очень пригодился!

– Ты опять ее бросила? – хмыкнула Шарлотта, шутливо погрозив ей пальцем. – Хорошие сестры так не поступают.

Прежде чем Эмма смогла придумать достойный ответ, они завернули за угол и оказались во внутреннем дворике. На стене небольшого сарайчика, выкрашенного в нежно-розовый цвет, кто-то прикрепил плакат: «Прощай, лето!» Тут и там фланировали девушки в длинных вечерних платьях, большинство парней были в дорогих рубашках. В бассейне двое молодых людей в футболках школьной команды по водному поло подсаживали на плечи двух худеньких девушек, готовясь к игре. Неподалеку от них девушка с длинными вьющимися волосами неестественно громко смеялась шуткам юноши, как две капли воды похожего на Тайгера Вудса[4 - Тайгер Вудс – знаменитый темнокожий

американский игрок в гольф.] в молодости. Остальные толпились возле длинного стола с мексиканскими хот-догами, вегетарианскими буррито, суши и клубникой в шоколаде. На стойке рядом стояли напитки: газировка, фруктовый пунш, имбирный эль и две большие бутылки джина.

– Ничего себе, – выпалила Эмма, заметив спиртное. Алкоголь ей не нравился: как-то раз они с Алекс решили сыграть в игру с выпивкой по «Сумеркам» и слегка перестарались. Потом их по очереди рвало в саду миссис Стоукс. Вечеринки Эмме тоже не нравились. На них она чувствовала себя неуютно, не зная, чем заняться. Да и кого на таких мероприятиях могла интересовать сирота из приемной семьи?

– Почему бы и нет, – промурлыкала за ее плечом Мадлен. Она тоже смотрела на бутылки. – После того как мама Ниши умерла, никто толком не следит, что происходит в доме. Ее отец сейчас в полной прострации. Ниша могла бы тут фейерверк устроить, он бы и ухом не повел.

– Саттон? Привет, – руки Эммы коснулся высокий и широкоплечий парень, из тех, кто обычно оказывается капитаном школьной сборной по футболу. Эмма не сдержала улыбки. Почти в ту же секунду ее окликнули от столика возле двери: «Привет, Саттон! Отличное платье! От кого оно?» – и она почувствовала легкий укол зависти. Похоже, сестра Эммы не только жила в идеальном мире, но еще и была чертовски популярна. «Почему кому-то достается все, а другим ничего?» – с тоской подумала она.

Я задумалась над ее вопросом, хотя вообще-то она была жива, а я – нет.

Мимо прошли еще несколько человек, и каждый улыбнулся Эмме. Она кивала, улыбалась в ответ, махала кому-то рукой, ощущая себя принцессой, приветствующей верноподданных. Чувство было незнакомое, но очень... приятное. Это даже оказалось весело. Теперь девушка понимала, почему самые зажатые и неуверенные в себе люди часто внезапным образом преображаются, оказавшись на сцене перед полным залом.

– Вот ты где, – пророкотал кто-то за спиной у Эммы. Она обернулась и оказалась лицом к лицу с симпатичным светловолосым юношей в серой футболке и длинных шортах цвета хаки. «Гаррет, парень Саттон. Он был на фото в Facebook», – услужливо подсказала память.

– Весь день не мог тебе дозвониться, – молодой человек протянул Эмме красный пластиковый стаканчик с каким-то напитком. – Писал эсэмэски. Где ты была?

«Да вот же я!» – хотелось крикнуть мне. Перед глазами яркими вспышками мелькали милые сценки: мы с Гарретом держимся за руки, целуемся, танцуем на школьной дискотеке... Казалось, я снова слышу его голос, произносящий «Я люблю тебя». Потом мою душу заполонила острая тоска по тем дням.

– То тут, то там, – улыбнулась Эмма, легонько пихнув парня под ребра. – А ты не перегибаешь палку со своей заботой, а?

Она мечтала произнести эту фразу столько лет – на каждом свидании с очередным молодым человеком, который утомлял ее своей опекой, писал миллион раз на дню и поднимал панику, если не получал ответа. К тому же Саттон наверняка сказала бы что-нибудь в этом духе.

Гаррет притянул ее к себе и погладил по голове.

– Главное, что сейчас ты здесь, – его рука коснулась ее плеча, а потом остановилась в опасной близости от груди.

Эмма пошевелилась, сбрасывая ее.

Я была ей за это очень благодарна.

Гаррет тут же вскинул руки вверх, как бы сдаваясь:

– Извини, извини!

Тут в кармане Эммы завибрировал мобильный. Ее сердце снова бешено забилося. Саттон.

– Сейчас вернусь, – она улыбнулась Гаррету и двинулась сквозь толпу людей к дому. Однако стоило парню отвернуться, чтобы поговорить с окликнувшим его высоким азиатом, Эмма пригнулась и побежала к боковой калитке.

Возле выхода она остановилась, чтобы обернуться и проверить, не заметил ли кто-нибудь ее ухода, и встретила взглядом с девушкой, не сводившей с нее внимательных глаз. Смуглая кожа, большие глаза, плотно сжатые губы – Ниша, вместе с которой Саттон занималась теннисом. Это был ее дом. На хозяйке вечеринке было желтое платье с запахом и золотой браслет. Во взгляде, которым она наградила Эмму, читалось желание вышвырнуть ее из дома.

Каждая клеточка Эммы, вынужденной всегда быть милой и доброй со всеми, кричала о том, что сейчас надо поднять руку, помахать Нише и улыбнуться. Но она вспомнила про Саттон и заставила себя выпрямиться и ответить хозяйке дома насмешливым взглядом. Та вспыхнула от гнева и резко отвернулась, задев взметнувшимися волосами кого-то из стоявших рядом гостей.

На мгновение я почувствовала угрозу. Похоже, у нас с Нишей действительно были проблемы. Большие проблемы.

Знать бы еще, в чем тут дело.

6. Кто может устоять против загадочного парня?

За воротами была темная и тихая ночь. В кустах звенели сверчки, воздух приятно охлаждал кожу. Единственным источником света были огни вечеринки да чей-то телевизор: его голубоватое свечение лилось из окна дома, стоявшего дальше вдоль дорожке. За забором лаяла собака. Эмма почувствовала, что постепенно успокаивается, расслабляется, и тут же поняла, что все это время ходила, подняв плечи, будто пытаюсь втянуть голову и стать незаметной. Отдышавшись, она достала телефон и посмотрела на экран. «Видела твою записку. Все в порядке? Дай знать, если что-то понадобится». Это от Клариссы.

Эмма удалила сообщение, снова проверила папку «Входящие». Ничего. Тогда она посмотрела на скамейку, на которой оставила вещи. На нее падала широкая полоса яркого света от прожектора с соседней парковки. Эмма вздрогнула: сумки не было. Кто мог ее забрать? И где же все-таки Саттон? Куда идти, когда вечеринка закончится? Денег у Эммы не было: кошелек остался в сумке. Там же лежал и паспорт.

Совсем рядом слышались треск и шуршание. Эмма повернулась к дому Ниши, но на дорожке никого не было.

Чпок.

Кто-то открыл банку с газировкой. Эмма огляделась по сторонам и заметила фигуру человека на лужайке перед соседним домом. Он стоял возле большого телескопа, однако взгляд его был прикован к Эмме.

- Прошу прощения, - она сделала несколько шагов назад.

Парень шагнул вперед, и огни вечеринки осветили его лицо: выступающие скулы, круглые глаза, коротко стриженные волосы. Тонкие, плотно сжатые губы как бы говорили: «Не лезь». Одет он был не так нарядно, как парни во дворе у Ниши, но даже простая серая футболка идеально очерчивала мускулы на его груди и плечах.

Я его знала, но - пора бы уже привыкнуть, - не помнила, откуда.

Со стороны дома Ниши донесся взрыв смеха. Эмма обернулась, затем снова посмотрела на молодого человека. Он имел мрачный вид - при том, что в соседнем дворе веселились от души, - а ей всегда нравился именно такой тип парней.

- Почему ты не на вечеринке? - спросила девушка.

Ответа не последовало. Молодой человек просто смотрел на нее, и глаза его тускло блестели в лунном свете.

Эмма шагнула на дорожку и направилась к нему, остановившись только у самой калитки.

- За чем наблюдаешь? - она махнула рукой на телескоп.

Он снова промолчал.

– Венера? – предположила Эмма, все еще надеясь завязать разговор. – Большая Медведица?

Парень негромко хмыкнул, провел рукой по коротким волосам и отвернулся. Нахмурившись, Эмма тоже повернулась к нему спиной:

– Ну и пожалуйста! – выпалила она, стараясь не выдать раздражения. – Развлекайся. Мне плевать.

– Персеиды, Саттон.

Эмма стремительно обернулась. Так он знал Саттон?

– Что такое Персеиды?

– Это метеорный поток, – молодой человек облокотился на ограду.

– Можно мне посмотреть?

Он даже не пошевелился, когда Эмма вошла в калитку.

Его дом оказался небольшим бунгало песочного цвета, вместо гаража – навес для автомобиля, дворик, обрамленный кактусами. Оказавшись лицом к лицу с незнакомцем, Эмма смогла разглядеть молодого человека как следует: густые брови, яркие синие глаза. За его спиной, в тени, обнаружили садовые качели, на которых стояла тарелка с бутербродами и лежали две книги в кожаном переплете. На одной из них даже можно было прочитать вытесненное название: «Уильям Карлос Уильямс. Сборник». Эмма никогда раньше не встречала парня, увлекающегося поэзией – ни одного, кто мог открыто в этом признаться.

Тем временем телескоп был настроен, окуляр подкручен так, чтобы Эмме было удобно смотреть, и парень сделал приглашающий жест, отступая в сторону. Девушка послушно взгляделась в звездное небо.

– И давно тебя интересует астрономия? – спросил ее собеседник.

– Она меня не интересует, – Эмма осторожно повернула телескоп, направляя его на большую полную луну. – Я предпочитаю сама давать имена звездам.

– Вот как? И что это за имена?

Эмма отстранилась от окуляра, закрыв его специальной заглушкой от пыли.

– Например, Гадюка. Вон там, – она указала на мигающую звездочку прямо над крышей дома. Несколько лет назад она получила свое имя в честь Марии Роуэн, с которой Эмма училась вместе в седьмом классе. Однажды на уроке испанского Мария налила ей под стул газировки, а потом говорила всем, что у Эммы недержание. Даже преподавателю, причем старательно попыталась перевести термин на испанский. «Недержательство». Эмма тогда только и думала, как здорово было бы взять Марию за шкуру, размахнуться и запустить куда подальше – прямо к звездам, как делали древнегреческие боги, разгневавшись на своих детей.

– Боюсь, твоя Гадюка – часть пояса Ориона.

Эмма скрестила руки на груди, притворившись обиженной:

– Вот, значит, как ты разговариваешь с девушками?

Парень сделал шаг навстречу, их руки почти соприкоснулись. У Эммы перехватило дыхание – это казалось таким естественным жестом. На мгновение ей вспомнился Картер Хайс, капитан школьной команды по футболу в Хендерсоне, – и то, как она боготворила его, не решаясь признаться в своих чувствах. Миллион остроумных и нежных фраз был припасен для него под заголовком «Как Флиртовать с Парнями: Инструкции», но стоило им оказаться наедине, как Эмма обнаруживала, что вместо заготовленной речи несет какую-то чушь про последний выпуск шоу «Голос». А ведь оно ей даже не нравилось!

– Хорошо. Тогда предположим, что две оставшиеся звезды называются Лгунья и Мошенница. И свои имена все они получили в честь трех вредных сестричек, которых Орион за волосы притащил в свою пещеру, – Эмме показалось, что парень многозначительно на нее посмотрел.

Она сделала шаг назад и оперлась на изгородь, понимая, что в этой фразе заключен какой-то глубинный смысл, которого она не понимает.

– Похоже, ты успел неплохо обдумать эту теорию, – сказала она, просто чтобы что-то сказать.

– Похоже, – эхом отозвался парень. Однако во взгляде, которым он наградил Эмму, внезапно стало меньше флирта и больше... любопытства.

А еще у него были самые длинные ресницы, какие Эмма когда-либо видела.

Все выглядело мило и невинно, но на меня вдруг обрушилась целая буря чувств: благодарность, смущение, растерянность. Они как-то были связаны с этим парнем, но как именно?.. Ни одно из этих чувств не оформилось в четкое воспоминание, исчезнув так же внезапно, как и появилось.

Парень отвел взгляд и снова смущенно взъерошил волосы:

– Извини. Просто мы с тобой нормально не разговаривали... с тех пор как... ну, ты поняла. Давно.

– Самое время начать сначала, – отозвалась Эмма.

Его губ коснулась легкая улыбка.

– Точно.

Теперь они смотрели друг другу в глаза. Вокруг вились светлячки, ветер доносил с гор запах свежих цветов.

– Саттон? – раздался в темноте чей-то голос.

Эмма обернулась, чувствуя, как напрягся ее таинственный собеседник.

– Куда она ушла?

Обернувшись, девушка увидела две фигуры возле калитки дома Ниши. Подошвы тяжелых ботинок Лилианны хрустели по гравию; Габриэлла шла, подсвечивая себе телефоном вместо фонарика.

- Уже иду! - крикнула им Эмма и повернулась к парню. - Почему бы тебе не пойти с нами?

- Нет, спасибо, - фыркнул он.

- Ладно тебе, - девушка улыбалась. - Я придумала много имен разным звездам. Распутница, например. Или Ботаник...

- Саттон? - двойняшки остановились прямо напротив них. - Кто это?

Черт! Эмма обернулась, но парень уже исчез, только слегка раскачивался старый венчик на входной двери. Затем до ее слуха долетел щелчок замка, а потом кто-то внутри дома резко задернул занавески. Окееееей...

Девушка отошла от телескопа и направилась к калитке.

- Это был Итан Лэндри? - поинтересовалась Габриэлла.

- Вы разговаривали? - одновременно с сестрой спросила Лилианна. Судя по всему, ее прямо-таки разрывало от любопытства. - О чем?

Неожиданно у них за спиной возникла Шарлотта. Ее щеки покраснелись, на лбу блестели бисеринки пота.

- Что тут у вас происходит?

Габриэлла подняла глаза от телефона:

- Саттон разговаривала с Итаном.

- С Итаном Лэндри? - Шарлотта вскинула брови. - Mister Мрачный Бунтарь умеет говорить?

Итан. Теперь я знала, как его зовут.

Эмма тоже повторила про себя имя незнакомца. Подруги Саттон смотрели на нее с недоумением. Похоже, не стоило вести беседы с тем, кто не входил в список ее друзей. Чтобы разрядить напряжение, Эмма снова потянулась за телефоном. Ни одного нового сообщения.

Шарлотта просто-таки сверлила ее взглядом, и Эмма поняла, что откладывать момент объяснения больше нельзя.

- По-моему, я слишком много выпила, - пробормотала она.

Как ни странно, это сработало: Шарлотта прищелкнула языком.

- Бедняжка, - она подхватила ее под руку. - Пойдем, отвезу тебя домой.

Облегчение от того, что ей поверили, только усилилось, когда Эмма полностью осознала предложение Шарлотты. «Домой» означало «к Саттон».

- Спасибо, - кивнула она. И девушки отправились искать машину.

Я была рада такому развитию событий. Может быть, хотя бы дома станет ясно, что к чему.

7. Спальня мечты

Шарлотта припарковала свой большой черный Jeep Cherokee на обочине дороги.

- Добро пожаловать, леди, - сказала она, старательно изображая британский акцент, словно образцовый английский дворецкий.

Машина остановилась возле двухэтажного дома с большими арочными окнами. Ухоженный двор украшали пальмы, кактусы и несколько идеальных клумб, а вдоль дорожки, ведущей ко входу, стояли цветочные горшки. В арке перед

дверью позвякивала «музыка ветра»; над гаражом на три машины, примыкавшим к стене, виднелось большое изображение солнца. На почтовом ящике не было фамилии, только элегантная буква «М». В темном нутре гаража угадывались две машины: Volkswagen Jetta и большой семейный Nissan.

Я не помнила ни одной из этих деталей, но сразу же почувствовала – вот он, мой дом.

– Похоже, кое-кто вытянул счастливый билет, – негромко пробормотала Эмма. Лучше бы Бекки потеряла ее.

– Что, прости? – удивилась Шарлотта.

Эмма притворилась, что поправляет подол платья:

– Ничего.

– Это ты из-за Мадс, да? Она напугала тебя?

Девушка подняла глаза на Шарлотту, еще раз окинув взглядом ее рыжие волосы и стильное платье. Вот бы взять и рассказать ей, в чем дело...

– Я сразу догадалась, что это они, – произнесла она вместо этого.

– Как знаешь, – Шарлотта откинулась в водительском кресле и включила радио. – Тогда увидимся завтра, пьянчужка. На ночь обязательно прими витамины. И не забудь, ты ночуешь у меня в пятницу. Обещаю, будет весело. Тем более папа все еще не вернулся. А мама не станет нам мешать.

Эмма нахмурилась:

– Твой отец уехал? – она вспомнила мужчину, который заговорил с ней в каньоне Сабино.

По лицу Шарлотты пробежала тень: первая за этот вечер.

– Он уже месяц в Токио, а что?

Эмма поправила прическу, пытаясь скрыть смущение:

– Так, ничего особенного.

Наверняка она приняла за мистера Чемберлейна кого-то другого.

– Пойду, пожалуй. Спасибо, – девушка выскользнула из машины и захлопнула за собой дверцу.

На лужайке перед домом цвели лимонные и апельсиновые деревья, источая терпкий аромат. Тихонько поскрипывал флюгер. Разводы на штукатурке, покрывавшей стены дома, делали его похожим на пряничный. Заглянув в окно, Эмма разглядела внутри хрустальную люстру и рояль. На одном из окон второго этажа поблескивала предупреждающая наклейка: «В доме ребенок. В случае пожара помогите ему выбраться первым». Никому из опекунов Эммы в голову бы не пришло покупать такие предупреждения для окон ее комнаты.

Ей очень хотелось сфотографировать дом, но тут сзади взревел двигатель. Обернувшись, Эмма поняла, что машина все еще стоит у обочины, а Шарлотта наблюдает за ней, приподняв бровь.

«Уезжай, – мысленно обратилась к ней девушка. – Все в порядке».

Но Жеер не сдвинулся с места. Тогда Эмма осмотрела ведущую к дверям дорожку, наклонилась и сдвинула один из камней. Под ним блеснул серебристый ключик. Она с трудом сдержала удивленную улыбку. Она видела по телевизору, что некоторые прячут ключи таким образом, но ей и в голову не приходило, что кто-то на самом деле так поступает.

Выпрямившись, она поднялась на крыльцо и вставила ключ в замок. Тот легко поддался. Переступив порог, Эмма обернулась и помахала Шарлотте рукой. Та махнула в ответ и начала медленно выезжать на дорогу. Двигатель снова взревел, в темноте зажглись и погасли габаритные огни, и машина растаяла в ночи. Оставшись в одиночестве, Эмма глубоко вздохнула и вошла в свой новый дом.

В мой дом, вообще-то, пусть я толком его и не помнила. На заднем дворе стояли скрипучие качели – я часто сидела там с журналами. В гостиной всегда пахло лавандой – маме нравится этот освежитель воздуха. Входную дверь сначала заедает, если резко ее толкнуть. Звонки похожи на птичий свист: две звонкие высокие трели. Все...

В холле стояла прохладная тишина. Единственным источником света была луна за окном, поэтому на стенах плясали густые причудливые тени. Негромко тикали в углу напольные часы. Стоило Эмме пошевелиться, как паркет под ее ногами отозвался скрипом. Она ступила на полосатую ковровую дорожку, ведущую к лестнице. Заметив на стене выключатель, потянулась к нему, но в последний момент отдернула руку. Каждую секунду ей казалось, что вот-вот сработает сигнализация, сверху ее накроет железная клетка, а из темных комнат выскочат люди с криком: «Посторонний в доме!»

Положив руку на перила, Эмма на цыпочках начала подниматься вверх. Саттон наверняка где-то там. Может быть, она просто проспала встречу. Это можно исправить. Эмма разбудит сестру, и они наконец обнимутся и скажут друг другу все, что она себе придумала.

Первым, что увидела Эмма, добравшись до площадки второго этажа, была большая, коричневого цвета, плетеная корзина для белья возле двери в ванную комнату. Свет от встроенных в плинтус ночников полосами тянулся по стене напротив. За дверью что-то позвякивало.

Эмма оглянулась и сразу поняла, где комната Саттон. Дверь одной из спален была увешана фотографиями моделей с показов в Париже и постерами с изображениями Джеймса Блейка и Энди Роддика на корте Уимблдона. На ручке болталась розовая табличка с именем. Бинго. Эмма легонько толкнула дверь, и та бесшумно открылась внутрь.

Комната была наполнена запахом свежего белья, к которому примешивались ароматы мяты и ландыша. Струившийся через высокое окно лунный свет обрисовывал очертания великолепной кровати с четырьмя столбиками. Слева от нее Эмма разглядела коврик, расцветкой напоминавший кожу жирафа; а вот понять, какая обивка была на стоящем в углу кресле, ей так и не удалось: оно было сверху донизу завалено небрежно брошенными футболками и майками, а сверху красовались свернутые носки. Зато подоконник выглядел именно так, как и должен был: широкий, уставленный большими стеклянными подсвечниками с

разноцветными тяжелыми свечами и темными бутылками, служившими вазами для цветов – и все это вперемежку с обертками от шоколадок. Все свободные поверхности были заняты подушками: штук десять на кровати, еще три лежало на стуле, две – на полу. Длинный белый письменный стол являл собой образец порядка: только «спящий» ноутбук, принтер и пригласительный билет с надписью: «Вечеринка по случаю восемнадцатилетия Саттон. Твоя крутизна – твой пропуск!» Под столом стоял небольшой ящичек с розовым висячим замком и наклейкой «Игра в Л».

Здесь было все, чего можно только пожелать. Кроме самой Саттон.

В некотором смысле я, разумеется, все же присутствовала, оглядывая комнату вместе с Эммой в надежде хоть что-нибудь вспомнить. Почему окно, выходящее на задний двор, немного приоткрыто? Нарочно ли оставлен на самом видном месте журнал со статьей о модных показах в Лондоне? Увы, я даже не помнила, чтобы вообще читала этот номер, не говоря уж о конкретной статье. И вещи в комнате казались незнакомыми, несмотря на то что еще несколько часов назад принадлежали мне.

Эмма снова достала телефон, но в папке «Входящие» было по-прежнему пусто. Было бы здорово осмотреть дом... Но что, если по дороге она наткнется на что-то? Или, еще хуже, на кого-то? Вздохнув, она принялась набирать новое сообщение Саттон: «Я в твоей комнате. Где бы ты ни была, ответь. С тобой все в порядке? Я беспокоюсь».

Она нажала кнопку «Отправить» и почти в ту же секунду подпрыгнула от неожиданности: в комнате что-то негромко тренькнуло. Осторожно, стараясь ступать бесшумно, Эмма двинулась в сторону источника звука: серебристого клатча, лежавшего на столе возле ноутбука. Внутри почти ничего не было: только небольшой голубой кошелек и iPhone в розовом чехле.

Выудив его из сумочки, Эмма едва сдержала удивленный возглас: на экране бегущей строкой отображался текст, который она только что отправила.

Поддавшись импульсу, девушка сняла блокировку и просмотрела все полученные за день сообщения. Там было и ее предыдущее послание, и короткое «Ну, спасибо, черт тебя подери!» от Лорел, отправленное в 20.20, – видимо, когда они должны были вместе ехать на вечеринку.

Осознав, что сейчас произошло, Эмма выпустила из рук телефон и отшатнулась от него, как от ядовитой змеи. «Я не должна была заглядывать в сумку и читать переписку Саттон! – думала она. – Что, если сестра в этот момент вошла бы в комнату? Не лучший способ познакомиться после долгих лет разлуки».

Эмма достала телефон и отправила то же самое сообщение, но через Facebook – на случай, если у Саттон где-то в доме есть второй компьютер, а телефон она забыла в комнате, – а потом принялась внимательно рассматривать комнату. Над столом висела пробковая доска с приколотыми к ней фотографиями подружек Саттон – Эмма рассталась с ними меньше часа назад. На одном из снимков на Шарлотте было то же самое голубое платье, которое она надела на вечеринку. Другой запечатлел девушек в обществе темноволосого молодого человека: Лорел плескала на него водой, Саттон и Мадлен на заднем плане изображали утомленных жизнью красоток. Все эти фотографии, казалось, были сделаны совсем недавно, но на доске хватало и других – времен средней школы или даже раньше: подружки на чьей-то кухне делают печенье (точнее, тычут друг в друга вымазанными в тесте ложками), Мадлен в балетной пачке и трико (но без тех округлостей, которыми она обзавелась, став постарше), Шарлотта со скобками на зубах, Саттон... Эмма долго смотрела на ее лицо, пытаясь избавиться от ощущения, что видит саму себя, только на четыре года младше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (https://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24123541) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Игра называется «Охота за мусором», или «Мусорщик вышел на охоту». Игроющие получают список и должны найти указанные в нем предметы. В конце те, кто принес все, что было указано в списке, получают награду.

2

Знаменитые американские фотожурналистки.

3

Четыре угла – название связано с Монументом четырех углов, который находится на пересечении границ четырех штатов (Колорадо, Нью-Мексико, Аризона, Юта). Это единственное подобное пересечение границ в США.

4

Тайгер Вудс – знаменитый темнокожий американский игрок в гольф.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/ru/sara-shepard/igra-v-lozh-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)